

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ТРОХИМОВСКИЙ Алексей Юрьевич

**Заграничные командировки учёных
Московского университета в 1856 – 1881 гг.**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

МОСКВА
2007

Работа выполнена на кафедре истории России XIX – начала XX вв.
Исторического факультета Московского Государственного
университета имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор исторических наук
Андреев Андрей Юрьевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Иванов Анатолий Евгеньевич
(ИРИ РАН)

кандидат исторических наук
Полунов Александр Юрьевич
(МГУ им. М.В.Ломоносова,
факультет государственного управления)

Ведущая организация: Российский университет дружбы народов

Защита диссертации состоится «16» октября 2007 г. в 16 часов на заседании
Диссертационного Совета К-501.001.09 по отечественной истории при
Московском Государственном университете имени М. В. Ломоносова по
адресу: 119992, Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных
факультетов, аудитория 550.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А. М.
Горького (Воробьевы горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан «   » сентября 2007 г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета:

Доктор исторических наук
профессор Н.В. Козлова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В настоящее время одной из тем, привлекающих наибольшее внимание историков, является история университетов, которые всегда были крупнейшими центрами научных знаний и особой корпоративной культуры. Их изучение, ранее протекавшее в русле «локальных» историй отдельных университетов, сейчас выходит на новый уровень исторического обобщения. На практике это воплощается, в частности, в исследовании интеграционных процессов, развивавшихся в университетском пространстве. Эти процессы, впервые рельефно обозначившиеся во второй половине XIX века, сохраняют свое значение по настоящий день в связи с тенденциями к объединению европейского образовательного пространства и вступления России в т.н. «болонский процесс».

Одной из форм взаимодействия между национальными университетами являлись учёные путешествия их представителей. Заграничные командировки с образовательной целью были прерогативой не только университетов (в России целенаправленное отправление молодежи на учебу в Европу впервые начал Пётр I), однако именно с утверждением в России университетской системы они приобрели массовость и стали характерным историческим явлением, которое прослеживается более или менее чётко на протяжении всего XIX века. При этом если в XVIII – начале XIX вв., в эпоху энциклопедизма, они носили характер «просветительских» поездок, то в период коренных изменений в научном мировоззрении, революционных достижений в науке и технике во второй половине XIX в. эти командировки стали одним из основных способов по выравниванию российской научной мысли с западноевропейской.

С одной стороны, изучение заграничных (европейских) командировок с научной целью позволяет исследовать процессы интеграции русской и западной (прежде всего, как будет показано ниже, немецкой) науки, вопросы их сотрудничества и взаимного влияния. С другой стороны, в силу многих исторических обстоятельств, организация командировок русских учёных оказалось тесно связанной с проблемой кадрового воспроизводства в российских университетах, которая всегда была актуальна для правительства еще со времени основания Московского университета в 1755 г. Таким образом, исследование данного исторического явления включает разработку как проблем международных научных связей, так и истории организации науки и высшего образования. Такие исследования приобрели дополнительную актуальность в свете прошедшего 250-летнего юбилея первого российского университета, к которому были приурочены ряд научных исследований, позволивших вывести проблематику его истории на новый уровень.

Объектом исследования в диссертации служит Московский университет во второй половине XIX в., в период расцвета своей научной и преподавательской деятельности, выразившейся, в частности, в оживленных контактах с представителями европейской науки.

Предметом исследования являются заграничные командировки профессоров, преподавателей и т.н. «профессорских кандидатов» (магистрантов) в страны Западной Европы в 1856 – 1881 гг. Их организация в Московском университете рассматривается, с одной стороны, как важное

направление в политике Министерства народного просвещения по решению задач кадрового воспроизводства высшей школы, а с другой стороны – как самостоятельное историческое явление в науке этого времени. В настоящей работе впервые изучена роль заграничных командировок в истории Московского университета. Одновременно, на основе материалов отдельного университета были исследованы и явления общероссийского масштаба, поскольку, во – первых, именно в Московском университете рассматриваемого периода было сконцентрировано значительное число учёных с мировым именем, во многом определявших лицо отечественной науки, во – вторых, потому что это был самый крупный, старейший и наиболее авторитетный университет в стране, а в – третьих, целостность и компактность источниковой базы позволили раскрыть заявленную тему наиболее полно и разнопланово.

Цель исследования. Работа призвана проследить становление и развитие заграничных командировок в качестве цельной системы подготовки специалистов за рубежом, а также показать значение этих поездок для развития российской науки вообще, и для Московского университета в частности.

Достижению поставленной цели служат конкретно-исторические исследовательские **задачи исследования.** Они состоят в том, чтобы:

- 1) исследовать историю возникновения и исторические причины, обусловившие начало подготовки профессуры российских университетов за границей;
- 2) раскрыть характер взаимоотношений между Московским университетом и Министерством народного просвещения в деле подготовки кадров в середине XIX в., выявить особенности политики министерства, которые способствовали интенсификации командировок за границу в этот период, и «идейную базу», выработанную министерством для их обоснования;
- 3) определить основные типы и формы организации командировок, исследовать систему денежного, организационного, юридического и документационного сопровождения командировок со стороны государства и университета, права и обязанности командированных и систему контроля и надзора за ними;
- 4) наконец, осмыслить собственно внутреннее содержание командировок, различные способы взаимодействия русских учёных с западноевропейской академической средой и формирование у стажировавшихся определенных образов и стереотипов как в отношении европейской науки и её значимости в современном мире, так и относительно её представителей – зарубежных профессоров.

Хронологические рамки исследования. В работе заграничные командировки ученых Московского университета исследуются подробно с момента их возобновления (1856) в царствование Александра II после длительного запрета на научные контакты с заграничными университетами в период «мрачного семилетия» конца царствования Николая I. Впрочем, в работе привлечен материал и по предшествующему периоду истории заграничных командировок, который позволил выявить причины возникновения системы подготовки российских профессоров за границей.

Основная протяженность выбранного периода падает на время пребывания в должности министров народного просвещения А.В.Головнина и Д.А.Толстого, деятельность которых привела к созданию стабильной и цельной системы европейских командировок ученых российских университетов. Конечная дата исследования (1881) связана не только с окончанием министерства Д. А. Толстого, но и с концом правления Александра II, после трагической гибели которого политика правительства в области народного просвещения испытала серьезные изменения, открыв принципиально иную историческую эпоху.

Методологическая основа исследования. При разработке темы диссертации использовались традиционные для исторической науки методы исследования: критический анализ источников и принцип историзма, историко – системный метод, с помощью которого сущность явления раскрывалась через изучение объекта как целого, и историко – типологический метод, позволяющий по совокупности признаков выявить содержание изучаемых объектов. Особенностью данной работы также явилось широкое применение просопографического метода при построении «коллективных биографий» профессоров, и в связи с этим привлекались элементы количественных методов для анализа обобщенных данных о командировках и их представления в форме графиков и таблиц.

Степень изученности темы. Историография темы диссертации чётко распадается на две группы. В первую входят работы по истории высшего образования в России, по истории университетов, наконец, собственно, по истории Московского университета. Вторая группа представлена биографическими исследованиями о деятельности отдельных ученых. Поскольку число лиц, побывавших либо в стажировках для приготовления к профессорскому званию, либо в учёных командировках в качестве профессоров, довольно велико, а почти каждый из них стал впоследствии выдающимся специалистом в своей области, то и количество работ, им посвященных, также весьма значительно.

Тема заграничных командировок русских ученых в ее самостоятельном виде начала разрабатываться в историографии со второй половины XX века. До этого времени упоминание о командировках и попытка их научного осмысления была предпринята лишь в известном труде дореволюционного историка С. В. Рождественского «Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения»¹, где были перечислены некоторые мероприятия министерства народного просвещения в этой области. Лапидарные сведения о колонии русских интеллектуалов в Гейдельберге, среди которых были и будущие московские профессора, также можно найти в неизданном труде С. Г. Сватикова «Русские студенты в Гейдельберге»².

---

¹ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802 – 1902. СПб., 1902.

² Russische Studenten in Heidelberg. Unveröffentlichte Texte von S. G. Svatikov. Herausgegeben von Elfriede Wischhöfer. Russica Palatina 28. Heidelberg, 1997 / Русские студенты в Гейдельберге. Неизданные тексты С. Г. Сватикова. Изд. Элфрид Вишхофер. Руссика Палатина 28. Гейдельберг, 1997.

В советской историографии вплоть до 1980-х гг. тема учёных командировок практически не ставилась. Поэтому серьезным прорывом к новой проблематике явилась монография Е. В. Соболевой «Организация науки в пореформенной России»³, которая в исправленном виде легла в основу ее же докторской диссертации⁴. Исследователь провела детальный анализ ряда документов времени министерств А. В. Головнина и Д. А. Толстого, в результате чего пришла к важным выводам о формировании в 1860-х гг. института профессорских кандидатов, куда входила их стажировка за границей. Одним из основных положений работы Е. В. Соболевой была попытка доказать последовательное «наступление» государства на права и автономию университетов в деле подготовки своих кадров за границей и, тем самым, обосновать тезис о почти безраздельном преобладании министерства народного просвещения над университетами. Эту тенденцию автор оценивает крайне негативно, включая сюда и усиление контроля, и ограничение численности командируемых в период министерства Д.А.Толстого. По мнению автора, для развития большинства специальностей необходима была материально – техническая база для проведения экспериментов, лабораторной работы и т.п., тогда как при Д. А. Толстом улучшения и обновления этой базы не наблюдалось, и поэтому «никак не мог быть оправдан переход во второй половине 60-х гг. XIX в. к преимущественной подготовке «профессорских кандидатов» не в зарубежных научных центрах, а в России»⁵.

Противоположную позицию занял другой советский историк, затронувший в своих исследованиях данную тему в 1980 – начале 1990-х гг. – Р.Г.Эймонтова. Ей принадлежат две известные работы по университетской тематике: «Русские университеты на грани двух эпох»⁶ и «Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века»⁷. В первой монографии аспект делается исключительно на политической стороне европейских поездок, ибо их результатами для молодых учёных стало формирование научного и гражданского мировоззрения, значительное повышение научного уровня, расширение политического кругозора, завязывание новых связей и контактов. Во второй книге стажировки профессорских кандидатов рассматриваются с точки зрения их адекватности полноценной университетской аспирантуре. Здесь они трактуются как вынужденная мера, которую, при наличии средств, лучше было заменить созданием необходимых условий в России. В своей оценке министерства Д. А. Толстого, когда эти изменения действительно стали происходить, автор не приходит к однозначному решению. С одной стороны, его политика «реакционна», а с другой – именно на него приходится создание и развитие

---

³ Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.

⁴ Соболева Е. В. Наука и учёные в пореформенной России. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Л., 1985.

⁵ Там же. С. 336.

⁶ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985.

⁷ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

полноценной аспирантуры в России. Р. Г. Эймонтова противопоставляет аспирантуру прежним стажировкам, но не выводит ее из них, не считает заграничные командировки предшественниками аспирантуры, а наоборот, видит их вынужденной мерой, в какой-то момент начавшей тормозить самостоятельное развитие отечественной науки.

В конце XX в. интерес к международной научной интеграции вообще, и к учёным командировкам в частности, значительно возрос. Так, в своей книге «Учёные степени в Российской Империи. XVIII в. – 1917 г.»⁸ А. Е. Иванов намечает основные направления в исследовании проблемы заграничных командировок, прослеживая их развитие с 1820-х гг. до Первой Мировой Войны. Центральным выводом автора является положение о том, что «в 60 – 70-х годах XIX в. в России в основном сформировалась стационарная служба подготовки научно – педагогических кадров, или, в современном понимании, аспирантура. Она опиралась на двуединую научно – педагогическую основу, поскольку будущие профессора приготавливались при российских и европейских университетах»⁹.

Другим историком, который специально занимался проблемой командировок (хотя и в более ранний хронологический период), является А. Ю. Андреев. Результатом его исследований в этой области стала фундаментальная монография «Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века»¹⁰, в которой на основе обширного круга источников, в том числе и западных, подробно рассматривается учёба русских студентов в университетах Германии с 1698 по 1849 гг.

К числу работ, где детально рассматривается подготовка профессуры Московского университета, относится многотомное исследование Ф. А. Петрова¹¹. Оно также, как и монография А. Ю. Андреева, посвящено времени до 1856 г., поэтому рассматривает прежде всего процесс возникновения системы заграничных командировок, как в Московском университете, так и в общероссийском масштабе, с конца 1820-х до конца 1840-х гг. Ф. А. Петров детально анализирует деятельность Профессорского Института в Дерпте, II Отделения СЕИВ Канцелярии и Главного Педагогического Института, которые, по его мнению, были «тремя всероссийскими аспирантурами»¹². В книге дана также характеристика Берлинского университета, который в 1830 – 40-х гг. был основным центром учёбы русской университетской молодёжи. Одним из

---

⁸ Иванов А. Е. Учёные степени в Российской Империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005.

¹¹ Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. В 4 кн. : кн. 1 «Зарождение системы университетского образования в России». М., 1998; кн. 2 «Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века» (в 3 частях). М., 1998 – 1999; кн. 3 «Университетская профессура и подготовка устава 1835 года». М., 2000; кн. 4 «Российские университеты и люди 1840-х годов». Ч. 1. Профессура. М., 2001.

¹² Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. В 4 кн. Кн. 4 «Российские университеты и люди 1840-х годов». Ч. 1. Профессура. М., 2001. С. 57.

основных результатов работы является вывод о том, что именно профессора, прошедшие учёбу за границей, «определяли собой научное лицо всех российских университетов середины XIX века»¹³. В дальнейшем, как полагает Ф.А.Петров, период «ученичества» для русской науки в конце 1840-х гг. закончился, и начался период интеграции с западноевропейской наукой.

В 1990-х гг. европейские командировки университетской профессуры затрагивались в коллективном труде «Высшее образование в России. Очерки истории до 1917 г.»¹⁴, однако никаких принципиально новых данных по данному вопросу авторы не сообщают, ограничиваясь уже известными сведениями. Большой интерес представляет кандидатская диссертация Е. Л. Стафёровой «Министерство Народного Просвещения при А. В. Головнине»¹⁵, в которой была поставлена цель специально изучить мероприятия А.В.Головнина, в том числе, по отправке за счет министерства молодых людей с учёной целью в Европу. Одним из наиболее оригинальных и глубоко продуманных положений автора является мысль о том, что массовость стажировок при А. В. Головнине была обусловлена его стремлением добиться ещё большей, нежели прежде, степени контроля за университетами путём создания значительного контингента лиц, своим положением полностью обязанных министерству. Однако Устав 1863 г. резко ограничивал право министра навязывать университетам профессоров, поэтому в дальнейшем стажировки стали оцениваться как чрезвычайная, экстренная, временная мера¹⁶. Говоря о причинах многих неудач А. В. Головнина, Е. Л. Стафёрова приходит к выводу о «недоверии императора к его системе действий», которое и стало причиной «сокрушительной критики» и «безоговорочного осуждения» комиссией 1866 года¹⁷, использовавшей случаи неудачного выбора «заграничных» кандидатов в качестве лишнего повода к удалению министра.

Довольно подробно проблема европейских стажировок профессорских кандидатов в 1860 – 70-х гг. рассмотрена в статье В. И. Чеснокова «Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II»¹⁸. В статье повышенное внимание уделено историко – филологическим факультетам. Автор наглядно показывает кризис университетских кадров, признавая за командировками роль спасительного средства, однако, даёт низкую оценку эффективности кампании А. В. Головнина, ссылаясь на мнения самих её организаторов. Важным является подмеченное автором положение об установлении четырёхгодичного срока подготовки к работе в университете,

---

¹³ Там же. С. 81.

¹⁴ Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года. / Под ред. В. Г. Кинелева. М., 1995.

¹⁵ Стафёрова Е. Л. Министерство Народного Просвещения при А. В. Головнине. (1861 – 1866). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1998.

¹⁶ Там же. С. 165, 166, 169.

¹⁷ Стафёрова Е. Л. Министерство Народного Просвещения при А. В. Головнине (1861 – 1866). Автореферат диссертации на соиск. учёной степени канд. ист. наук. М., 1998. С. 17.

¹⁸ Чесноков В. И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II. // Российские университеты в XVIII – XX вв. Сб. ст. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 102 – 123.

который во второй половине 1860-х гг. стал отделять магистранта от доцента, и о возможности двухэтапной стажировки – в качестве магистранта, а затем – докторанта. На основе статистического материала автор доказывает “подлинную массовость института профессорских стипендиатов” в российских университетах эпохи Александра II¹⁹, при этом, вслед за Р. Г. Эймонтовой, указывает на увеличение процентной (но не абсолютной!) доли тех, кто приготавливался к профессорству в России. Эта тенденция оценивается им как создание российской национальной аспирантуры.

В зарубежной историографии основным исследованием, затрагивающим данную тему, является фундаментальная монография немецкого профессора Труде Маурер «Преподаватели высшей школы в царской Империи»²⁰. Автор подразделяет все поездки на «стажировки» для «Weiterqualifikation», т. е. для повышения уровня образования, и «командировки» («Auslandskomandirovka») уже состоявшихся профессоров. Основным термином для обозначения заграничной учёбы и научной работы для Т. Маурер служит «Auslandsaufenthalt» - «пребывание за границей». Однако, ученым Московского университета в книге уделено мало внимания: применительно к периоду 1830 – 40-х гг. упоминается только поездка медика В. А. Басова, которая признается наиболее «типичной», а в 1860 – 70-х гг. фигурируют имена И. П. Матюшенкова и Н. В. Склифосовского (причем последний стажировался от Харьковского университета). В то же время автор останавливается на общих положениях, одинаковых для представителей всех университетов. Детально рассматриваются инструкции стажировавшимся – отмечается «энциклопедическая тенденция», т. е. указания на необходимость охватить максимально широкий материал. В качестве общей оценки Т. Маурер считает стажировки для приготовления к профессуре «скорее продолжением учёбы, нежели самостоятельным периодом научной деятельности»²¹. Отдельно в книге рассмотрены командировки собственно профессоров («Dienstreise» - «поездка с научной целью», «служебная командировка»). Автор затрагивает такие моменты, как замена преподавателя в его отсутствие и продление командировок для профессоров. Подчёркнута такая важная составляющая этих поездок как закупка за рубежом книг и оборудования, упоминается об участии русских учёных в европейских научных конгрессах. Тем самым, эта часть командировок впервые была введена Т. Маурер в научный оборот, тогда как ранее она оставалась в тени более многочисленных стажировок молодых ученых.

Вторая историографическая группа по рассматриваемой тематике представлена историческими биографиями. Общий объём их довольно внушителен, поэтому в диссертации были использованы лишь те работы, в которых в той или иной степени отражено пребывание конкретного учёного за

---

¹⁹ Там же. С. 118.

²⁰ Maurer Trude. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial – und Bildungsgeschichte. Köln, Weimar, Wien, 1998. / Маурер Труде. Преподаватели высшей школы в царской Империи. Очерк русской социальной истории и истории образования. Кёльн, Веймар, Вена, 1998.

²¹ S. 263.

границей с научной целью. Речь идёт, прежде всего, о наиболее выдающихся профессорах Московского университета: Анучин Д. Н., Бабухин А. И., Богданов А. П., Боголепов Н. П., Бугаев Н. В., Виноградов П. Г., Герье В. И., Захарьин Г. А., Камаровский Л. А., Киттары М. Я., Кожевников А. Я., Марковников В. В., Муромцев С. А., Рачинский С. А., Сеченов И. М., Склифосовский Н. В., Снегирев В. Ф., Столетов А. Г., Стороженко Н. И., Тимирязев К. А., Троицкий М. М., Филатов Н. Ф., Цветаев И. В., Чичерин Б. Н., Чупров А. И., Шварц А. Н., Янжул И. И.

Их жизнь и научная деятельность отражена во многочисленных монографиях и статьях, а также в некрологах. Впрочем, в ряде исследований дальше простого упоминания факта стажировки дело не идёт. Другой тип исторических биографий содержит подробное описание, характеристику и анализ всей заграничной командировки учёного. Наиболее крупными работами такого рода следует назвать фундаментальные монографии Г. В. Карпова и В. В. Богданова, посвящённые Д. Н. Анучину²², коллективную монографию об А. И. Бабухине²³, специальную монографию Е. Б. Сосниной, на основе значительного комплекса ранее не известных источников изучающую первую и вторую итальянские поездки И. В. Цветаева²⁴, обстоятельное изложение заграничной стажировки известного историка В. И. Герье содержится в статье Д. А. Цыганкова «Профессор Московского университета В. И. Герье»²⁵.

Большое количество работ пришлось на долю знаменитого физика А. Г. Столетова, основателя первой в России московской школы физиков²⁶, и среди них специальные работы, в которых его подготовка на Западе подвергнута пристальному вниманию: биографический очерк, составленный профессором А. К. Тимирязевым²⁷, труд П. П. Лазарева, посвященный крупным русским

---

²² Богданов В. В. Дмитрий Николаевич Анучин. Антрополог и географ. (1843 – 1923). М., 1941; Карпов Г. В. Д. Н. Анучин. / Под ред. А. И. Соловьёва. М., 1954; Карпов Г. В. Путь учёного. Очерки жизни, научной и общественной деятельности Д. Н. Анучина. М., 1958. Гл. 3, 7.

²³ Метелкин А. И., Алов И. А., Хесин Я. Е. А. И. Бабухин, основоположник московской школы гистологов и бактериологов. 1827 – 1891. М., 1955.

²⁴ Соснина Е. Б. Итальянские вёрсты Ивана Цветаева. Биографический очерк. Иваново, 2001. См. также: Мальмберг В. Иван Владимирович Цветаев. М., 1914; Каган Ю. М. И. В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1987; И. В. Цветаев создаёт музей. Сб. / Вступит. ст. Л. М. Смирнова. М., 1995.

²⁵ Цыганков Д. А. Профессор Московского университета В. И. Герье (1837–1919) // Новая и новейшая история, 2002, № 5. С. 219–230.

²⁶ Болховитинов В. Н. Александр Григорьевич Столетов. 1839 – 1896. М., 1951; Бирич Е. В. Педагогические идеи и деятельность А. Г. Столетова и их влияние на развитие русской методической мысли. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. педагогических наук. М., 1953; Зельнина О. С. Мироззрение А. Г. Столетова. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. философских наук. М., 1954; Материалы юбилейной научной конференции, посвящённой А. Г. Столетову. Владимир, 1969; Тепляков Г. М. Александр Григорьевич Столетов. М., 1966.

²⁷ Александр Григорьевич Столетов (1839 – 1896). Биографический очерк проф. А. К. Тимирязева. М., 1948.

физикам – А. Г. Столетову, Н. А. Умову, П. Н. Лебедеву, Б. Б. Голицыну²⁸, исследование М. С. Соминского²⁹.

Иногда научные монографии уступают место более популярным изданиям. Так, например, во многих публикациях, посвящённых К. А. Тимирязеву³⁰, его путешествие в Англию практически не рассматривается, зато в просветительской книге А. Югова³¹ эта тема представлена достаточно широко. Затрагивается она также и в работах С. А. Новикова, Д. Г. Гомозова, А. И. Корчагина³².

Иногда исследователи, концентрируясь на научном наследии ученого, не всегда «добираются» до анализа тех факторов, которые оказали на его мировоззрение большее или меньшее влияние. Так произошло с известным идеологом либерализма Б. Н. Чичериным, чьё учение изучено весьма основательно³³, но его поездки в Европу в 1858 – 1861 гг. и 1864 – 1865 гг., причем в разном статусе, недостаточно рассмотрены историками³⁴.

Лапидарные сведения о командировках содержатся в некрологах. Необходимо назвать некрологи, посвящённые Н. В. Бугаеву³⁵, графу Л. А. Камаровскому³⁶, И. И. Янжулу³⁷, А. Н. Шварцу³⁸, некрологи А. И. Чупрова³⁹, Н. В. Склифосовского⁴⁰ и другие некрологи⁴¹.

Подводя итог историографическому обзору, можно заключить, что хотя в исторической науке в изучении данной проблемы и были достигнуты заметные

---

²⁸ Лазарев П. П. А. Г. Столетов, Н. А. Умов, П. Н. Лебедев, Б. Б. Голицын. Л., 1927.

²⁹ Соминский М. С. Александр Григорьевич Столетов. Л., 1970.

³⁰ Цетлин Л. С. К. А. Тимирязев. Жизнь и творчество. М., 1952; Сидорук И. К. А. Тимирязев. Куйбышев, 1950; Климент Аркадьевич Тимирязев. Сб. ст. М., 1940; Платонов Г. В. Мировоззрение К. А. Тимирязева. М., 1952; Дорохов Л. М. Великий русский учёный К. А. Тимирязев. Кишинёв, 1949.

³¹ Югов А. Климент Аркадьевич Тимирязев. М. – Л., 1953.

³² Новиков С. А. К. А. Тимирязев. / Под ред. А. К. Тимирязева. М., 1948; Гомозов Д. Г. Климент Аркадьевич Тимирязев. (Очерк о жизни и научной деятельности). Воронеж, 1950; Корчагин А. И. К. А. Тимирязев. Жизнь и творчество. М., 1948.

³³ Китаев В. А. От фронды к охранительству. (Из истории русской либеральной мысли 50 – 60-х годов XIX века). М., 1972; Зорькин В. Д. Из истории буржуазно – либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX вв. (Б. Н. Чичерин). М., 1975; Научное наследие Б. Н. Чичерина: история и современность. Материалы межрегиональной научной конференции. Май 1998 года. Тамбов, 1998.

³⁴ Зорькин В. Д. Чичерин. М., 1984.

³⁵ Лахтин Л. К. Николай Васильевич Бугаев. (Некролог). М., 1904.

³⁶ Таубе М. А. Граф Л. А. Камаровский. (Некролог). СПб., 1913.

³⁷ Судейкин В. Т. Академик – профессор И. И. Янжул. (Некролог). Пг., 1915.

³⁸ Соболевский С. Некрологи Ф. Е. Корша и А. Н. Шварца. Приложение к I части Отчёта о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1915 год. М., 1916.

³⁹ Александр Иванович Чупров. (Некролог). М., 1909.

⁴⁰ Чупров И. Николай Васильевич Склифосовский. (Некролог). // Русское хирургическое обозрение, 1904, № 11.

⁴¹ Белкин А. С. М. М. Троицкий (Некролог) // Речи и отчет... к 12 января 1900 г. М., 1900. С. 401 – 430; Губарев А. П. В. Ф. Снегирев. (Некролог). М., 1917; Рот В. К. А. Я. Кожевников (Некролог) // Речи и отчет... к 12 января 1903 г. М., 1903. С. 449–490; Тихомиров А. А. А. П. Богданов (Некролог). // Речи и отчет Императорского Московского университета ... к 12 января 1897 г. М., 1897. С. 387–406.

результаты, накоплен определенный фактический материал и разработаны основные принципы и подходы исследования, но специального исследования заграничных командировок учёных Московского университета в царствование Александра II проведено не было, и настоящая диссертация призвана восполнить этот пробел.

Источниковая база исследования.

Источники по теме диссертации делятся на следующие виды: 1) законодательные, 2) делопроизводственные, 3) публицистические, 4) личного происхождения, 5) статистические.

К законодательным источникам относятся министерские постановления⁴², распоряжения и циркуляры⁴³. Они легли в основу изучения идеологической и административной стороны командировок. С одной стороны, именно они определяли «идейную базу» всей политики развития заграничных командировок, а с другой – довольно подробно регламентировали конкретный порядок осуществления этих поездок. К важнейшим официальным источникам относится Общий Устав Российских Университетов⁴⁴, которым должны были руководствоваться университетские Советы при принятии решения о каждой стажировке. Помимо общего устава, у каждого университета были свои собственные Правила; в частности, были выработаны Правила Императорского Московского Университета⁴⁵. Некоторые отдельные положения о командировках, например, об их зачёте в действительную службу, прослеживаются по Продолжениям свода Законов Российской Империи издания 1857 г. и др.⁴⁶

Оценка всей политики Министерства народного просвещения в области командировок, включая ее идеологическую составляющую, невозможна без использования специальных министерских публикаций, которые были призваны осветить для академической общественности сущность проводимых мероприятий. В работе проанализированы обзорные статьи в официальной части ЖМНП⁴⁷ и обзор, составленный МНП в 1865 году⁴⁸. В них самооценка государством собственной университетской политики выступает наиболее

---

⁴² Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1864 – 1904. Т. 1 – 17. 2-е изд. СПб., 1875 – 1876. Т. 1 – 3.

⁴³ Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1866 – 1907. Т. 1 – 16.

⁴⁴ ПСЗ-II. Т. XXXVIII, отд. I, № 39752. Общий Устав Российских Университетов, Высочайше утвержденный 18 июня 1863 г.

⁴⁵ Правила Императорского Московского Университета. / Напр.: Сборник распоряжений по МНП. Т. 3. 1850 – 1864. СПб., 1867.

⁴⁶ Свод Законов Российской Империи. Издание 1857 года. Т. III. Уставы о службе гражданской. СПб., 1857; Продолжение свода Законов Российской Империи, изданного в 1857 году. СПб., 1863, 1872.

⁴⁷ ЖМНП, 1864, Ч. 121, Отд. II. О лицах, командированных Министерством Народного Просвещения за границу для приготовления к званию профессоров и преподавателей с 1808 по 1860 год. С. 335 – 354; Там же, 1866, Ч. 129, № 1. Отд. IV. По поводу мер, принимаемых Министерством Народного Просвещения с 1862 года для приготовления кандидатов к профессорскому званию. С. 1 – 24.

⁴⁸ Обзор деятельности Министерства Народного Просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 1863 и 1864 годах (с приложениями). СПб., 1865.

рельефно. Наряду с этими источниками, важно назвать публицистические сочинения отдельных деятелей, имевших то или иное отношение к командировкам: Н. И. Пирогова⁴⁹, руководившего русскими стипендиатами в Гейдельберге и объехавшего всю Германию, историка В. И. Модестова⁵⁰ как одного из первых стипендиатов «головнинского призыва», записки самого А. В. Головнина⁵¹. Последние проливают свет на личное видение министром проблемы кадрового воспроизводства.

Основным источниковым ядром диссертации следует назвать делопроизводственные источники, среди которых наиболее важными – отчёты молодых стипендиатов, которые они каждые три месяца отсылали в Учёный Комитет министерства. Эти источники вплоть до настоящего времени были мало известны историкам, и в исторических работах практически никем не привлекались, в то время, как они содержат множество ценных сведений. В 1860 – 70-е гг., когда стажировки профессорских кандидатов приобрели массовый характер, увеличился и объём делопроизводственной документации, «обслуживающей» эти поездки. Большая ее часть, относящаяся к Московскому университету, содержится в фондах Центрального Исторического Архива г. Москвы (ЦИАМ). В диссертации были использованы фонды 418 (Канцелярия Московского университета) и 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа). Фонд попечителя представлен ходатайствами, прошениями, распоряжениями начальства, «баллотированными листами» Совета ИМУ. Всё это вносит значительный вклад в разработку «административного» аспекта изучаемой темы. Университетский фонд и хранящиеся в нем дела Совета также содержат в себе материал по стажировкам стипендиатов и командировкам профессоров, отчёты профессорских кандидатов и ведомственную переписку по поводу их возможного издания. Эти отчёты позволяют «изнутри» рассмотреть заграничное пребывание русских молодых учёных, на конкретном материале увидеть их учёбу «по существу», оценить степень интеграции в западную научную систему, реконструировать сформировавшийся у них стереотип европейского учёного.

Многие отчеты министерских стипендиатов были опубликованы. С 1862 г. до 1867 г. издание извлечений из отчётов профессорских кандидатов осуществлял Журнал Министерства Народного Просвещения (ЖМНП)⁵², охватывая при этом все российские университеты, в том числе, и Московский. С этими материалами частично пересекается издание «Извлечения из отчётов лиц, отправленных Министерством Народного Просвещения за границу для

---

⁴⁹ Пирогов Н. И. По поводу занятий русских учёных за границую. // Голос, 1863, 24 – 26 октября; ЖМНП, 1863, № 12; Извлечение из письма Н. И. Пирогова из Гейдельберга. СПб., 1863.

⁵⁰ Модестов В. И. О Германии. Наука, школа, парламент, люди, стремления. СПб., 1888; Он же. Русская наука в последние двадцать пять лет. Одесса, 1890.

⁵¹ Головнин А. В. Записки для немногих. / Отв. ред. Б. Д. Гальперина. СПб., 2004; Штрайх С. Я. И. И. Мечников и Н. И. Пирогов. // Общ. врач, 1916, № 10. Письмо А. В. Головнина к Н. И. Пирогову от 23 марта 1862 г.

⁵² В специально отведённом для этого III Отделе. ЖМНП, СПб., 1862 – 1867. Отд. III. Отчёты лиц, отправленных Министерством Народного Просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию.

приготовления к профессорскому званию»⁵³ в 7 томах, покрывающее период с 1863 – 1866 гг., т. е. то время, когда проводилась кампания А. В. Головнина. Третьим изданием, где регулярно публиковались отчеты, являются «Речи и отчёты, читанные в Торжественном Собрании Императорского Московского Университета»⁵⁴ за 1876 – 1879 гг. Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении отчёты профессорских стипендиатов охватывают практически весь изучаемый хронологический период.

Поскольку официальное разрешение на любые поездки учащихся и учащихся Московского университета давало министерство, то эти материалы отложились в документах Российского Государственного Исторического Архива в Санкт – Петербурге, хранящиеся в фонде 733 (Департамент народного просвещения). Здесь собрана документация по всем российским университетам, представленная в основном перепиской между университетами и министерством о возможности каждой конкретной командировки, по поводу ее продления, отчётности и т.п. Наряду с этими источниками, для настоящей работы крайне важны были и опубликованные источники, относящиеся сугубо к Московскому университету – это протоколы заседаний Совета, на которых вопрос о командировках нередко занимал значительную часть повестки дня. Протоколы рассредоточены по двум изданиям – в 1860-е годы это «Московские Университетские Известия»⁵⁵, а в 1870-е гг. – «Протоколы заседаний Совета Императорского Московского Университета»⁵⁶. Они также отражают «бюрократическую» сторону изучаемой темы.

Среди источников личного происхождения особое место занимают письма из-за границы, которые стажировавшиеся посылали своим родным или учителям. В эпоху, предшествующую основному периоду, рассматриваемому в работе, это такие эпистолярные источники как переписка слависта О. М. Бодянского, историка П. Н. Кудрявцева, опубликованные в ЖМНП, «Чтениях в ОИДР» и в «Русской мысли»⁵⁷, а также письма М. П. Погодина к С. С. Уварову

---

⁵³ Извлечения из отчётов лиц, отправленных Министерством Народного Просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. Ч. 1 – 7. СПб., 1863 – 1866.

⁵⁴ Отчёт и речь, произнесённые в торжественном собрании Императорского Московского Университета 12 января 1876 г. М., 1876; Отчёт и речь, произнесённые в торжественном собрании Императорского Московского Университета 12 января 1877 г. М., 1877; Отчёт и речь, произнесённые в торжественном собрании Императорского Московского Университета 12 января 1878 г. М., 1878; Отчёт и речь, произнесённые в торжественном собрании Императорского Московского Университета 12 января 1879 г. М., 1879.

⁵⁵ Московские Университетские Известия. 1865 – 1870. Протоколы заседаний Совета. В 6 тт. М., 1865 – 1871.

⁵⁶ Протоколы заседаний Совета Императорского Московского Университета за 1872 – 1881 гг. В 10 тт. М., 1873 – 1884.

⁵⁷ Письма Петра Николаевича Кудрявцева из – за границы (1845 – 1847 гг.). // Русская Мысль, 1898, № 1, № 5, № 9; ЖМНП, 1839, № 8. Отд. IV. Донесение магистра Бодянского к Г. Попечителю Московского Учебного Округа из Пешта, от 1/13 февраля 1839 г. С. 1 – 30; Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835 – 1861). // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1879, кн. 1.

из фондов ОПИ ГИМ⁵⁸. В 1860 – 70-е гг. наряду с письмами важную роль начинают играть воспоминания ученых об их учебе за границей: здесь наиболее важными следует признать мемуары великого русского физиолога И. М. Сеченова⁵⁹, известного экономиста, специалиста по финансам и налогам И. И. Янжула⁶⁰, а также воспоминания основателя Музея изящных искусств в Москве И. В. Цветаева⁶¹, написанные на основе его писем из – за границы, опубликованных в «Вестнике Европы» за 1881 и 1882 гг. Также крайне интересны письма Д. Н. Анучина из-за границы⁶². В отличие от официальных отчетов, иногда довольно формальных и скупых на подробности, эти источники личного происхождения, созданные представителями различных наук, делают картину учёбы и работы русских специалистов в Западной Европе более полной и «живой».

Изучение статистических данных о командировках ученых Московского университета велось на основании такого источника, как «Отчёты о состоянии и действиях Императорского Московского Университета»⁶³ за 1856 – 1881 гг. включительно. Данный источник отличается высокой степенью достоверности, хотя приводимые таблицы и списки не всегда содержат все необходимые для анализа сведения о командированных, и их приходится дополнять по другим источникам.

Итак, можно заключить, что источниковая база является полной и позволяет всесторонне проанализировать проблемы, поставленные перед данным исследованием. Многие источники впервые вводятся в научный оборот или рассматриваются в работе под принципиально новым углом зрения.

Научная новизна исследования. В данной работе впервые в историографии предпринята попытка комплексного исследования заграничных командировок учёных Московского университета. Эти поездки рассматриваются и как система кадрового воспроизводства, и одновременно как способ поддержания контактов с западноевропейской научной мыслью, что является новым подходом по сравнению с прежними работами, концентрировавшихся на той или другой из этих составляющих.

В отличие от предшествовавших десятилетий, которым уделено внимание в историографии, командировки, относящиеся к 1856 – 1881 гг., впервые стали предметом отдельного изучения. Кроме того, вплоть до настоящего времени не

---

⁵⁸ ОПИ ГИМ, Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 94 – 99; Ед. хр. 87. Л. 225. Донесение О. Профессора Московского университета Погодина Его Высокопревосходительству Г. Министру Народного Просвещения Сергею Семёновичу Уварову. 4 июня 1843 г.

⁵⁹ Сеченов И. М. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. Издания: 1-е: М., 1907; 2-е: М., 1945; 3-е: М., 1952; 4-е: Н. Новгород, 1998.

⁶⁰ Янжул И. И. Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864 – 1909 гг. Вып. 1 – 2. СПб., 1910 – 1911.

⁶¹ Цветаев И. В. Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг. И. Цветаева. М., 1883.

⁶² Анучин Д. Н. Письма из – за границы Д. Н. Анучина. // Антропологические заметки. М., 1877; Анучин Д. Н. Антропологические собрания Парижа и Лондона. Отчёт о командировке за границу Д. Н. Анучина. М., 1877; Анучин Д. Н. Из – за границы (из Берлина). // Московское обозрение, 1877, №№ 9 – 11.

⁶³ Отчёт о состоянии и действиях Императорского Московского Университета... за 1856 – 1881 гражданский год. М., 1857 – 1882. В 26 тт.

существовало специального исследования по заграничным командировкам специалистов именно Московского университета, в то время как привлечение этого материала позволяет провести детальный анализ конкретных поездок наиболее выдающихся учёных страны.

Новизной методологии работы является изучение учебных стажировок для приготовления к профессорскому званию на трёх уровнях: на уровне Министерства народного просвещения, на уровне Московского университета и персональном уровне. Подобный подход позволил всесторонне подойти к изучению учёных командировок профессоров. В научный оборот введен значительный объём малоизученных и неизвестных источников, большинство из которых имеют первоочередное значение именно для истории Московского университета и проблеме заграничных командировок: протоколы заседаний университетского Совета, ежегодные отчёты университета, личные дела и отчёты профессорских стипендиатов.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения проблем отечественной истории XIX века, при создании обобщающих исследований, учебников и учебных пособий по истории науки и высшего образования в России, по проблеме международных научных связей и университетской интеграции, а также при разработке общих и специальных курсов.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX – начала XX вв. исторического факультета МГУ им М. В. Ломоносова. Основные положения диссертации изложены автором в ряде публикаций.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, шести глав, Заключение, трёх приложений в виде таблиц и библиографии. В тексте диссертации содержатся 10 графиков и диаграмм.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении определяются проблематика и задачи работы, обосновываются хронологические рамки исследования, указывается научная новизна и практическая значимость работы.

В главе 1 «Историография» даётся характеристика научной литературы по теме.

В главе 2 «Источники» содержится обзор комплекса источников, которые легли в основу исследования.

Глава 3 «Возникновение системы заграничных командировок русских ученых во второй четверти XIX в.» носит вводный характер и посвящена периоду, который рассматривается как предшествующий этап времени массовых командировок 1860 – 70-х гг. Подготовка молодых русских учёных в Европе, начало которой связано с политикой министра народного просвещения С. С. Уварова, а также научные поездки профессоров Московского университета этого периода следует оценивать как историческую предпосылку тех мероприятий, которые централизованно начали проводиться при министре А. В. Головнине. Пребывание в Европе свыше сорока представителей Московского университета за период с 1829 по 1848 гг. явилось

результатом сознательной и целенаправленной политики, проводимой министром народного просвещения С. С. Уваровым и попечителем Московского учебного округа С. Г. Строгановым, понимавшими всю важность и необходимость связи с европейскими научными достижениями, без которой научная отсталость России была бы predetermined. Средняя продолжительность стажировки в этот период составляла около двух с половиной лет. Этот срок сложился эмпирически и позволял в полной мере выполнить поставленные перед молодым учёным задачи, а именно – повысить уровень своих знаний, приобрести учёную степень и занять место на кафедре. Среди различных наук и дисциплин в наибольшей степени были представлены медики, филологи (лингвисты), юристы и историки. Для трех последних групп была важна прежде всего Германия, а точнее – Берлинский университет, который сконцентрировал в это время не только лучшие умы своего времени, но и богатую инфраструктуру науки (библиотеки, музеи, лаборатории и т.д.). Также посещались в этот период Париж, Вена, итальянские города – Рим, Венеция. Говоря о научном содержании командировок, следует особо отметить высокую роль личных связей, которые русские учёные устанавливали с западными коллегами. Учителями многих будущих профессоров становились выдающиеся ученые (К.Литтров, Ю.Либих, И.Мюллер, Л. фон Ранке, К.Риттер, Ф.К фон Савиньи и др.)

Что же касается организации командировок, то в это время она находилась в стадии становления. Существовало несколько правительственных учреждений, из которых черпалось финансирование заграничных командировок – Профессорский Институт в Дерпте, Главный Педагогический Институт в Санкт – Петербурге, II Отделение СЕИВ Канцелярии, собственно Министерство народного просвещения, а также экономическая часть бюджета Московского университета. Выдаваемые суммы варьировались от 1500 до 5000 рублей в год, в среднем превышая обычное университетское жалование преподавателя. С 1844 г. Сенат разрешил лицам, отправляемым в чужие края для усовершенствования в науках, выдавать безденежно заграничные паспорта и зачислять им в действительную службу время пребывания за границей, хотя в то же время, по возвращении они были обязаны выслужить в университете не менее 12 лет.

Таким образом, в 1830 – 40-е гг. были заложены основы всей системы заграничных командировок, однако она не получила окончательного законодательного оформления, не приобрела законченную, цельную форму. При этом сами командировки профессоров и стажировки профессорских кандидатов постепенно начали входить в повседневный академический быт, становились частью научного и образовательного процесса. При этом еще велика была роль личного фактора – воли отдельных сановников (попечителя Московского университета С. Г. Строганова, министра С. С. Уварова), от решений которых зависело развитие этого направления в академическом процессе. В целом же в Московском университете в этот период было выращено новое поколение профессоров, испытавших на себе значительное влияние со стороны немецкой науки, ибо Германию, а в особенности Берлин, в 1830 – 40-е гг. посетили почти все командируемые.

Именно в это время формируется представление о фундаментальности немецкой науки и образ учёного-немца, настоящего специалиста, мастера своего дела. Таким образом, была создана основа для заграничных командировок последующего времени.

Глава 4 «Политика министерства народного просвещения по развитию заграничных командировок в 1856 – 1881 гг.» рассматривает проблему командировок на уровне Министерства народного просвещения и включает в себя следующие аспекты: анализ идеологической базы, подводимой МНП под свои мероприятия, статистический анализ количества командировок ученых Московского университета, их финансирование со стороны министерства и его динамика. Кроме того, исследуется проблема эволюции законодательных норм об обязательной выслуге лет для командированных и зачёте командировки в действительную гражданскую службу.

Вскоре после завершения эпохи «мрачного семилетия», министром народного просвещения А. С. Норовым было задано новое основное направление в политике МНП по отправлению молодых людей за границу. Главным мотивом стала апелляция к прежнему периоду, т.е. времени С.С.Уварова, призванное «легитимизировать» широкое возобновление командировок. Университетским профессорам были даны специальные указания по подготовке молодых людей к стажировкам. Особенно массовый характер они приняли в период министерства А. В. Головнина (1861-1866), который впервые подвел под свои начинания теоретическую базу, доказывая, что учёные командировки служат не только для воспроизведения профессорского корпуса, но и для создания более тесной связи между русской и европейской наукой. В “Обзоре деятельности Министерства Народного Просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 63 и 64 годах” указывалось, во-первых, что по – настоящему заниматься наукой и стать профессором можно только на Западе, ибо на надлежащую подготовку в самой России денег нет, а, во – вторых, что для академической стабильности и порядка необходим постоянный кадровый резерв, который и создается за счет непрерывного потока стажирующихся за границей молодых ученых. Университетские беспорядки 1861 г. и громадный дефицит профессоров назывались главными импульсами к проведению командировок, а способ С. С. Уварова, применявшийся в 1830 – 40-е гг. оценивался как наилучший. При этом указывалось, что «Министерство Народного Просвещения не создает готовых профессоров»⁶⁴, а обеспечивает университетам кадровую базу для их полностью свободного выбора подходящих специалистов. Таким образом, министерство, с точки зрения Головнина, просто увеличивало число лиц, имеющих высшие учёные степени, иначе говоря, создавало возможность для численного роста потенциальных преподавателей высшей школы.

В 1866 – 67 гг. четырехлетняя деятельность МНП подверглась сокрушительной критике и безоговорочному осуждению. Однако, при новом министре Д.А.Толстом (1866-1881) идейная база политики командировок не

---

⁶⁴ ЖМНП, 1866, № 1. Отд. IV. По поводу мер, принимаемых Министерством Народного Просвещения с 1862 года для приготовления кандидатов к профессорскому званию. С. 6.

подверглась какому-либо изменению. В 1870-е гг. МНП больше не испытывало потребность доказывать кому – либо (от академической общественности до Императора) правомерность политики командировок, ибо они уже стали частью академической системы. Этот тезис можно проиллюстрировать статистическими данными. Уровень числа командировок от Московского университета (4-6 человек в год), на который удалось выйти при А. В. Головнине, при Д. А. Толстом не сокращается, а остаётся практически прежним. То же самое можно сказать и об научных командировках профессоров Московского университета: их количество в 1870-е гг. даже возросло в сравнении с 1860-ми годами, и стало составлять в среднем около 9 человек в год вместо прежних 6 человек. В то же время при Д.А.Толстом сошла на нет практика продления времени пребывания за границей, которая широко существовала в годы министерства А. В. Головина. Это было вызвано и тем, что слишком частые и продолжительные отлучки профессоров из университета наносили ущерб преподаванию. В целом же, министерство Д. А. Толстого, несмотря на традиционные в историографии оценки его «реакционности», для зарубежных командировок не стало временем их свертывания и привело даже не к сокращению, а наоборот – в ряде случаев к увеличению числа поездок. Другое дело, что они были поставлены под более жесткий контроль со стороны государства, которое было крайне заинтересовано в том, чтобы выделяемые им средства не расходовались впустую.

В рассматриваемый период существовало два основных источника финансирования командировок – со стороны министерства или самого Московского университета. При А. В. Головнине министерство выдавало стипендиатам до 1600 рублей на человека в год, тогда как университет ограничивался лишь теми средствами, которые на тот момент были в наличии (сумма иногда не превышала 600 рублей в год). В то же время, в университете существовали различные частные пожертвования и стипендии, на которые могли претендовать отдельные категории молодых учёных. В 1866 г. были разработаны специальные Правила, упорядочившие разрозненные до того нормы проведения командировок, а также регламентировавшие вопрос денежного содержания из специальной статьи в бюджете Министерства народного просвещения. В 1867 г. в Московском университете произошло отделение от общей стипендиальной суммы средств на содержание профессорских кандидатов. В 1870-е гг. практиковались, как и при А. В. Головнине, дополнительные кредиты на отправление стипендиатов за границу, результатом чего стало увеличение общего числа профессорских кандидатов как за границей, так и в России. В целом же, сформировалась достаточно эффективная финансовая система денежного обеспечения командировок, которая, с одной стороны, не была слишком затратной, а с другой – удовлетворяла интересы обеих сторон – МНП и университетов.

Лица, отправленные на казённый счёт за границу, были обязаны прослужить по ведомству МНП определённое время. В 1830-40-е гг. этот срок составлял 6 лет за каждый год стажировки. Дальнейшее развитие законодательства шло по пути всё большей либерализации этой нормы, в результате чего срок стал равен двум годам за каждый год пребывания за

границей, составляя при стандартной двухгодичной стажировке всего 4 года службы. При этом время, проведенное за границей, засчитывалось в действительную службу, хотя всего не более трех лет. Необременительный срок выслуги и возможность начать карьеру с тремя лишними годами службы в своем багаже делали командировки более заманчивыми для многих молодых людей. Более того, впоследствии принципы двухгодичной выслуги за каждый год стажировки и её зачёт в действительную службу (не более трех лет) были перенесены на лиц, приготавливавшихся и внутри России, и тем самым, есть основания говорить, что именно опыт организации заграничных командировок лег в основу полноценной университетской аспирантуры.

Глава 5 «Административно – бюрократический аспект организации командировок ученых Московского университета» посвящена исследованию организации командировок на уровне университета, а также последующего контроля над командироваемыми со стороны начальства и различных типов отчётности о командировках. Основными источниками для этого послужили протоколы университетского Совета и соответствующие дела о командировках.

Полученные результаты позволили по-новому оценить роль собственно Московского университета в организации командировок. Как показал анализ, Министерство народного просвещения распределяло стажировки профессорских кандидатов формально, исходя из простого принципа дефицита той или иной специальности в целом по России. Оно не участвовало в непосредственном выборе подходящих лиц и лишь утверждало стипендиатов, представленных через попечителя университетом. Именно в университете разгоралась основная борьба. Для того, чтобы иметь право претендовать на стажировку, необходимо было окончить университет со степенью кандидата и сдать магистерские экзамены (для медиков – еще и защитить докторскую диссертацию). Процедура организации стажировки представляла собой последовательную цепь ходатайств – наставник молодого человека (авторитетный профессор) делал обращение в факультет, тот, в свою очередь, в университетский Совет, который после баллотировки по выдвинутой кандидатуре через попечителя делал представление министру. Соответственно, после выхода Высочайшего приказа, движение бумаг шло в обратном направлении. При этом непосредственное решение принимал именно Совет университета, а министерство или выдавало деньги, или, ссылаясь на их отсутствие, предлагало воспользоваться средствами «из суммы сбора за слушанье профессорских лекций», но никогда не оспаривало кандидатуру, одобренную Советом. Более того, и в самом Совете шла борьба не между молодыми специалистами, а между их наставниками, которые часто входили в состав той или иной корпоративной «партии» или «группировки». Иногда это было противостояние между конкретными профессорами, например, в 1865 г., когда столкнулись интересы профессоров К. Я. Млодзеевского и И. В. Варвинского, каждый из которых желал отправить «своего» кандидата за границу. Несмотря на такого рода сложности, именно Совет университета был ключевым звеном в деле заграничных стажировок, определяя круг командироваемых.

Что касается учёных командировок профессоров, то все они происходили исключительно за счёт университета, и Министерство лишь давало формальное разрешение на эти поездки. На основании университетских Правил, профессорам выдавалось до 1000 рублей в год с расчётом по месяцам. Многие из них ездили в краткосрочные командировки с 1 мая по 1 сентября, получая треть годовой суммы. В ходе этих поездок широко практиковалась закупка за рубежом оборудования и инструментов (этим особенно активно занимались профессора М. А. Толстопятов, И. Н. Новацкий, Г. Е. Щуровский, А. И. Бабухин и другие).

Каждые три месяца профессорские кандидаты должны были отсылать в Учёный Комитет министерства народного просвещения отчёты о проделанной работе, после чего получали очередное денежное содержание. При А.В. Головнине эти отчёты печатались в Журнале Министерства Народного Просвещения, а также в виде специальных сборников, которые затем рассылались в университеты, чтобы последние имели перед собой всю картину стажировок. При Д. А. Толстом эта практика прекратилась, и лишь с середины 1870-х гг. Московский университет начал самостоятельно издавать эти отчёты. С середины 1860-х гг. обязательным стало требование к факультетам рассматривать отчёты профессорских стипендиатов, и затем возвращать их в Учёный Комитет (где не хватало достаточного количества специалистов). Однако реальное научное значение не всегда соответствовало содержанию. Как свидетельствуют мемуары, например, И. И. Янжула, он умышленно вводил министерство в заблуждение и искусственно увеличивал свои отчёты за счет пересказа чужих книг, и это хорошо видно и из других отчётов. Поэтому отчеты выполняли во многом формальную роль, и настоящей проверкой знаний выступала дальнейшая деятельность учёного в университете.

Другим средством контроля была университетская инструкция, которую стажирующиеся получали от факультета перед выездом из России. Хотя некоторые руководители молодых специалистов считали её излишней (А. Н. Бекетов, А. Д. Булыгинский), многие профессора считали важным обратить внимание стипендиата на то, чтобы он сравнивал постановку учебного дела на Западе и в России.

Важно отметить разнообразие форм отчетности стажирующихся: так, поощрялось издание в Европе научных статей или брошюр, присылка которых могла заменить отчеты. По распоряжению министра А. В. Головинным в 1862-1866 г. в Гейдельберге для руководства и контроля на месте за командированными молодыми учёными находился Н.И.Пирогов. В 1872 г. было решено выдавать стажирующимся «открытые листы», в которых была бы прописана цель их командировки, и с которыми они должны были являться в российские посольства (что, впрочем, выполнялось не всеми). В целом же, какого-либо сурового или обременительного надзора над профессорскими стипендиатами со стороны российских властей не было, и его заменяла последующая оценка знаний со стороны университетского сообщества при защите диссертации, чтении лекций, научной работы и др. Поэтому есть основания говорить о значительной степени свободы профессорских стипендиатов, которая шла лишь на пользу их научным занятиям.

Глава 6 «Мир европейской науки глазами ученых Московского университета» исследует взаимодействие командированных русских специалистов, от профессорского кандидата до зрелого профессора, с западноевропейской академической средой. Большое внимание уделяется личностным, субъективным оценкам ученых.

В начале главы исследуются некоторые аспекты статистического распределения командировок в 1856 – 1881 гг. Установлено, что всего за этот период в Московском университете работало 86 профессоров, которые в разное время, в том числе и в 1830 – 40-е гг., и от разных организаций ездили учиться в Европу. Они составили 61 % из общего числа учёных ИМУ этого времени (140 человек). Такого рода показатель свидетельствует о том, что больше половины кадрового состава университета имело основой своих профессиональных знаний солидную подготовку за рубежом. Их них 78 человек прошли стажировки в 1856 – 1881 гг., причём 11 «заграничных» воспитанников университета стали профессорами уже после 1881 г.

За этот период Московский университет отправил на учёбу за границу также 78 человек. Сравнительный анализ специальностей, представленных в обозначенных двух группах, показывает, что и в том, и в другом случае, наблюдается практически одинаковая картина. Преобладают медики, за ними следуют юристы и филологи, остальные специальности делятся примерно поровну. Это говорит о том, что как и в 1830 – 40-е гг., в 1860 – 70-е гг. существовал ряд наук, для которых заграничные командировки были особенно необходимы и актуальны.

Из названных 78 профессорских кандидатов профессорами Московского университета стали 39 человек, т. е. 50 %. Остальные были распределены по другим высшим и средним учебным заведениям, а многие читали в Московском университете лекции в качестве приват – доцентов. В целом, это доказывает высокую эффективность командировок. Однако, современники по-разному отвечали на вопрос, могли ли заграничные стажировки выполнять роль полноценной университетской аспирантуры. Так, Н. И. Пирогов отводил стажировкам главенствующую роль в деле поддержания связей с западной наукой и следования ритму её жизни и был сторонником того, что за границей нужно только собирать материал для диссертации, а не писать её, а также заниматься не одним узкоспециальным вопросом, но посещать более общие курсы, повышая, тем самым, свой научный кругозор. В.И.Модестов вообще связывал начало настоящей науки в российских университетах со стажировками: «в наших университетах после возвращения из-за границы большого количества молодых учёных и вслед за новой организацией университетов, действительно началась научная жизнь»⁶⁵. Кроме того, возраст стажирующихся (по подсчётам А. В. Головина, он составлял около 30 лет) и искренняя сознательная готовность к научному труду делали заграничную стажировку для молодых специалистов действительно полноценной «заграничной» аспирантурой.

---

⁶⁵ Модестов В. И. Русская наука в последние двадцать пять лет. Одесса, 1890. С. 17.

Особое значение для молодых русских ученых имела западная научная инфраструктура: библиотеки (Национальная Библиотека в Париже, университетские библиотеки Мюнхена, Берлина), музеи (Британский Музей в Лондоне, чьи фонды и библиотека были необходимы представителям самых разных специальностей). Вся постановка дела оценивалась ими на самом высоком уровне – богатство материала, удобство работы с ним, дружелюбие к иностранцу – всё это делало учёбу за границей более комфортной.

Для того, чтобы «встроиться» в незнакомую академическую систему, необходимо было завести личные знакомства с местными профессорами, для чего служили рекомендательные письма. Отчасти это могло повлиять на то, что большинство западных учёных, с точки зрения русских стипендиатов, отличала доброжелательность, приветливость, готовность помочь. Заведение многочисленных знакомств имело и вполне практические цели – так, Д. Н. Анучин получил в дар большие этнографические коллекции, отправленные багажом в университет. Помимо этого, в письмах и воспоминаниях преобладают чрезвычайно высокие оценки научного уровня западных профессоров, а также их удивительной способности ясно и точно излагать свой предмет. В наибольшей степени это относилось к представителям германской науки. Идеальный образ немецкого профессора нарисовал, например, в своих отчётах кандидат В. Лебедев на примере Куно Фишера, знаменитого профессора Йенского университета – точность изложения, полное владение материалом, работа с аудиторией, логичность построения, хорошая дикция. Все же подчеркивались и те единичные случаи, когда по мнению стипендиатов «немцы смотрят на нас, как на варваров» (И.М.Сеченов), оказывая холодный и высокомерный приём.

Что касается науки как таковой, то она по большей части воспринималась как самая передовая и прогрессивная. Как писал кандидат Александр Пассовер: «Я думаю, никому в голову не придет оспаривать, что наука и педагогика Германии, взятые вообще – первые в мире»⁶⁶. Наиболее рельефно это прослеживается на примере медицины. Подобного рода свидетельства оставили, в частности, В. А. Добронравов, писавший о лондонском госпитале Св. Бартоломея и профессоре Томсоне, и доктор медицины Иван Курбатов, восхищённый клиникой знаменитого Рихарда фон Фолькманна в Галле. С другой стороны, именно медики, в силу того, что они уже сами были практически полноценными учёными (имели докторскую степень), могли объективно оценивать уровень западного врачевания и находить его недостатки. Тот же В. А. Добронравов раскритиковал лондонскую хирургическую клинику профессора Кристофа Хита, а доктор медицины К. Павлинов предостерегал против Лейпцигской клиники профессора Вундерлиха: «Несчастье для начинающего, если он попадёт в такую клинику: мало того, что он не научится, он приобретёт ещё ложные понятия»⁶⁷. Наибольшее же количество критических замечаний приходится в адрес французов: это говорят

---

⁶⁶ ЖМНП, 1865, Ч. 125, № 1, Отд. III, С. 49.

⁶⁷ Отчёт и речь, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского Университета 12-го января 1877 г. Отчёты лиц, командированных за границу, с учёной целью, для приготовления к профессорскому званию. М., 1877. С. 119.

и юристы (Г. Е. Колоколов, Б. Н. Чичерин) и филологи (Н. И. Стороженко), и историки (Н. И. Кареев), и медики (В. А. Добронравов). Германия же, и в особенности Гейдельберг, воспринимались как эталонный центр научного знания. Заметим, что по сравнению с 1830 – 40-ми гг. значение Берлинского университета в последующий период несколько уменьшается, и на первое место выходят другие немецкие университетские города – Гейдельберг, Галле, Вюрцбург, Мюнхен.

Западные ученые оказывали на их молодых московских коллег большое влияние. Наиболее показательным является пример А. Г. Столетова, ученика Г. Л. Ф. Гельмгольца, характеризовавшего так своего учителя: «Гельмголец дорог нам не только как гениальный учёный: он в тоже время самый заслуженный из современных насадителей науки вообще, и в частности, в нашем Отечестве. Многие десятки русских натуралистов и врачей, получивших известность... обязаны своим специальным образованием Гельмгольцу. Значение его в качестве международного учителя, думаю, ни для одной страны (кроме родной ему Германии) не было так велико, как для России»⁶⁸. Возвращаясь в Россию, молодые ученые самостоятельно продолжали многие исследования, которые были начаты ими в Германии под руководством немецких профессоров. Опыт близкого общения и работы с немецкими учёными подарил Московскому университету много выдающихся профессоров с мировыми именами.

В Заключении подведены основные итоги исследования.

В 1830 – 40-е гг. начала формироваться система организации стажировок для приготовления к профессорскому званию и учёных командировок профессоров и преподавателей. Она создавалась постепенно и не была результатом какого – то одномоментного решения, хотя ее основу заложила политика министра народного просвещения С.С.Уварова. Её развитие в 1860-70-е гг. шло по пути всё большей либерализации условий заграничных командировок, что выражалось в ослаблении государственного контроля за учёными и сокращении времени обязательной выслуги лет после стажировки. С финансовой стороны, если в 1830 – 40-е гг. выделение средств носило довольно случайный характер, то в 1860 – 70-е гг. министерству народного просвещения удалось не только упорядочить материальную сторону этих поездок, но и создать сбалансированную схему денежного обеспечения стажировавшихся учёных, которая, с одной стороны, не была слишком затратной, а с другой – учитывала объективные потребности заграничного пребывания. В общем же, именно в 1860 – 70-е гг. в результате деятельности министров народного просвещения А. В. Головина и Д. А. Толстого была создана оптимальная сбалансированная система, учитывавшая права и обязанности как учёной корпорации, так и государства, которая дала возможность поставить заграничные командировки на прочную и регулярную основу. К середине 1870-х гг. эта модель приобрела целостный и завершённый вид.

Стажировки профессорских стипендиатов и учёные командировки профессоров Московского университета охватывали практически весь спектр

---

⁶⁸ Столетов А. Г. Г. Гельмголец. // В кн.: Общедоступные лекции и речи А. Г. Столетова. М., 1902. С. 142.

университетских наук, что означало объективную потребность такого рода поездок практически для всех дисциплин. В наибольшем числе представлена медицина – в силу простого численного превосходства медицинского факультета. Важность европейских командировок состояла не только в сумме информации, привозимой из – за рубежа, но и в том влиянии, которое было оказано на умственный склад молодых московских учёных со стороны западного мира науки. Определяющим фактором этого влияния стали личные контакты с местными профессорами, многие из которых оказывались крупнейшими научными величинами с мировым именем.

Наибольшей похвалы со стороны командируемых заслужила университетская Германия. Восприятие всего нового, передового, расширение кругозора в лучших университетах Европы значительно повышало академический уровень кадрового корпуса московских профессоров в пореформенную эпоху. Тем самым, европейская, в особенности немецкая университетская наука вносила огромный вклад в становление и развитие российской высшей школы в лице одного из ведущих университетов страны – Московского университета. Политика командирования профессорских кандидатов в Европу принесла достойные плоды – половина воспитанников Московского университета, прошедших стажировки, пополнила его профессорский корпус, в то время как другие стали выдающимися специалистами в иных учреждениях, что свидетельствует о высокой эффективности стажировок. Сложившийся в 1856 – 1881 гг. кадровый состав университета более чем на 60 % состоял из лиц, имевших заграничную подготовку – старых профессоров 30 – 40-х гг., заграничных стипендиатов 60 – 70-х гг., профессоров, пришедших в ИМУ «со стороны».

При организации командировок университетская корпорация пользовалась значительной свободой от государства в лице министерства народного просвещения, что доказано на примере деятельности Совета Московского университета. Несмотря на то, что согласно существовавшим правилам, цепочка ходатайств и распоряжений относительно поездки получалась довольно длинной, ключевым звеном в ней оказывался университетский Совет, а все остальные ступени (попечитель, министр) выполняли функцию передачи ходатайств и распоряжений «наверх» и «вниз» соответственно. Инициатором почти каждой поездки выступал факультетский профессор, а министерство, хотя и имело право отказать в поездке под предлогом отсутствия денег, но не могло повлиять на конкретный подбор людей. К тому же, сам университет обладал правом отправления своих специалистов за границу за счёт специальных средств из суммы сбора за слушание профессорских лекций. Таким образом, традиционное для историографии представление о тотальном господстве министерства над университетом не является бесспорным и нуждается в определённой корректировке.

К началу 1880-х гг. заграничные командировки учёных Московского университета вошли неотъемлемой частью в академическую структуру науки и преподавания, и без них её полноценное существование и развитие, особенно в

условиях стремительного накопления научных знаний в европейских странах, вряд ли было бы вообще возможно.

Публикации по теме диссертации:

1. Трохимовский А. Ю. Проблемы восприятия европейской науки в письмах и отчетах русских ученых середины XIX в. // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов – 2004». История. М., 2004. С. 36 – 39.

2. Трохимовский А. Ю. Политика Министерства Народного Просвещения по подготовке молодых ученых за границей. 1856 – 1881 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2007. № 1. С. 61 – 76.

3. Трохимовский А. Ю. Европейская наука в оценках ученых Московского университета, командированных за границу (1856 – 1881). / Трохимовский А. Ю. – МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 27 с. – Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 60159 от 19.01.2007.